

Н. П. Лихачев

Разрядные дьяки XVI века

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. П. Лихачев**
Разрядные дьяки XVI века / Н. П. Лихачев – М.: Книга по Требованию, 2021. –
754 с.

ISBN 978-5-4241-8656-1

ISBN 978-5-4241-8656-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

НѢЖНО ЛЮБИМОМУ

О Т Ц У

ПОСВЯЩАЕТЪ СВОЙ ТРУДЪ

СЫНЪ-АВТОРЪ.

Представляя настоящій очеркъ на судъ небольшого круга специалистовъ и любителей русской исторической науки, который прочтетъ мою книгу, считаю долгомъ объяснитья относительно задачъ, которыя преслѣдовалъ въ своемъ трудѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ хоть сколько нибудь оправдаться въ тѣхъ недочетахъ, которые сознаю самъ. Несмотря на то, что книга моя является результатомъ нѣсколькихъ лѣтъ постоянной и исключительной работы, она конечно должна вызвать упреки въ мозаичности, неравномѣрной обработкѣ частей, въ сухости изложенія и игнорированіи иногда нѣкоторыхъ весьма важныхъ сторонъ вопроса.

Прежде всего снимаю съ себя нареканіе въ торопливости. Не тщеславное желаніе поскорѣ выступить передъ публикой съ толстой книгой, а необходимость заставила меня спѣшить печатаніемъ. Обильный историческій матеріалъ разбросанъ въ архивахъ и книгохранилищахъ Петербурга и Москвы, но всемогущее время часто парализуетъ стремленія изслѣдователя. Рукописный матеріалъ взятой мною эпохи не особенно грандіозенъ, но тѣмъ не менѣе тысячи грамотъ и масса другихъ разнообразныхъ источниковъ для цѣлостнаго и систематическаго ихъ изученія требуютъ архивныхъ занятій такого періода времени, которымъ я не могъ располагать. Недостаточно имѣть добрую волю сдѣлать что нибудь, надо имѣть еще и средства къ выполненію задуманнаго.

При всемъ желаніи не удалось мнѣ избѣгнуть мозаичности, отрывочности въ изложеніи, виною чего является мелочность и отрывочность тѣхъ, почерпнутыхъ въ разнообразныхъ источникахъ

фактовъ и указаній, изъ которыхъ приходилось составлять связанное цѣлое.

Не признавая возможности популяризаціи спеціальныхъ изслѣдованій и монографій, безъ ущерба научному значенію труда, я не гнался за живостью изложенія и обращалъ главное вниманіе на сводъ матеріала, доказательность и возможность немедленной провѣрки каждаго сообщаемого мною факта. Слѣдую примѣру тщательности старыхъ историковъ, я старался неоставлять ни одного рукописнаго источника безъ описанія, которое давало бы возможность судить о его содержаніи, значеніи и степени критической достовѣрности. Приложивъ подробный личный указатель и дѣлая возможно точныя ссылки, я надѣялся облегчить дѣло критики моего труда, который пестрѣетъ вносными разсужденіями, передвигающими иногда центръ тяжести доказательствъ изъ основнаго текста въ примѣчанія.

Трудно найти такое сочиненіе, при чтеніи котораго не возникало бы мысли о томъ, что автору слѣдовало дополнить свой трудъ изслѣдованіемъ того или другаго явленія, разъясненіемъ той или другой стороны вопроса или болѣе подробнымъ очеркомъ его исторіи. Рядъ такихъ замѣчаній тѣмъ въ большей степени примѣнимъ къ моей книгѣ, что о многомъ мнѣ пришлось въ ней умолчать совсѣмъ, многого лишь коснуться. Систематическія программы—могутъ быть плодомъ вдохновенія одного вечера работы, а выполненіе ихъ требуетъ многихъ лѣтъ. И у меня были горделивыя помыслы объ обширномъ изслѣдованіи, въ которое настоящій трудъ входилъ, какъ небольшая часть. Читатель на многихъ страницахъ замѣтитъ обѣщанія, (которыя Богъ вѣсть когда еще мнѣ удастся исполнить), изслѣдованія нѣкоторыхъ вопросовъ, входившихъ когда то, какъ отдѣльныя части въ общій планъ; и которыя пока пришлось лишь упомянуть въ примѣчаніяхъ.

Основной задачей настоящаго изслѣдованія являются только очеркъ внѣшней исторіи Разряда въ XVI столѣтіи.

Во второй половинѣ XVI вѣка Московскіе приказы представляли уже стройное, законченное учрежденіе. Дѣла и документы,

разнаго рода списки и описи—велись и записывались въ книгахъ и на столбцахъ въ выработанномъ практикою систематическомъ порядкѣ.

Смутное время страшной грозой пронеслось надъ Московю и истребило болшую часть приказныхъ дѣлъ. Архивъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ, хранящій между прочимъ документы двухъ древнѣйшихъ приказовъ—Разряднаго и Помѣстнаго, чрезвычайно богатый актами XVII столѣтія, отъ XVI вѣка имѣетъ лишь небольшое количество книгъ писцовыхъ, книгъ записныхъ, десятень и столбцовъ разнообразнаго содержанія, жалкіе остатки, только свидѣтельствующіе о прежнемъ поразительномъ обиліи.

Изъ провинціальныхъ архивовъ, изъ монастырей, изъ частныхъ рукъ извлекаются памятники приказной дѣятельности XVI вѣка, часто въ позднѣйшихъ копіяхъ, съ искаженными датами, въ отрывкахъ безъ начала и конца.

Весьма существенною частью приказнаго акта являются скрѣпа и припись дьяка, важныя, благодаря частой смѣняемости дьяковъ, и въ хронологическомъ отношеніи для опредѣленія отсутствующей даты. Имя дьяка, подписавшаго документъ, при неточности существующихъ архивныхъ описей, становится однимъ изъ способовъ опредѣленія принадлежности акта къ производству того или другаго приказа.

До сихъ поръ русская историческая литература, весьма бѣдная по части справочныхъ книгъ, не обладаетъ исторіей приказовъ, не имѣетъ даже списковъ, болѣе или менѣе полныхъ, дьяковъ, присутствовавшихъ въ томъ или другомъ приказѣ (также какъ нѣтъ и списковъ воеводъ по городамъ).

А важность такого списка¹ сознавалась еще въ прошломъ

---

¹) Отмѣтимъ, что дьяки писались то прозвищемъ, то отчествомъ, то фамиліей. Невозможно требовать, чтобы каждый занимающійся русской исторіей помнилъ, что дьякъ Бакака, напримѣръ, = дьякъ Иванъ Карачаровъ, дьякъ Чюдинъ Митрофановъ—тоже Иванъ Карачаровъ, дьякъ Губа—дьякъ Никита Семеновичъ Моклоковъ, дьякъ Поснигъ Губинъ—дьякъ Федоръ Никитичъ Моклоковъ, дьякъ Путило Михайловъ—дьякъ Семень Мит-

столѣтія и авторъ прекрасной статьи «Московскіе и другіе старинные приказы», напечатанной въ двадцатой части Древней Россійской Вивліюэки, сдѣлалъ весьма серьезную попытку въ этомъ направленіи, наиболѣе полную и удачную въ отношеніи Посольскаго приказа.

Какъ въ этомъ трудѣ, такъ и въ списокѣ, собранномъ П. Н. Ивановицъ², составъ Разряда показанъ лишь со второй четверти XVII столѣтія, да и то не можетъ считаться даже относительно полнымъ. Въ настоящемъ трудѣ я сдѣлалъ попытку собрать отрывочныя свѣдѣнія о разрядныхъ дьякахъ за періодъ до воцаренія Дона Романовыхъ, извлекая указанія изъ разнаго рода документовъ и частныхъ сборниковъ XVI и XVII вѣковъ. Представленный мною списокъ естественно страдаетъ неполнотой, вследствие страшной разбросанности извѣстій въ массѣ изданій, иногда совсѣмъ не имѣющихъ указателей. Буду ждать замѣчаній критики и надѣюсь со временемъ его исправить и дополнить.

Критика извѣстій, касающихся вѣшной исторіи Разряда въ раннюю эпоху его существованія, невольно приводитъ къ вопросамъ о началѣ приказовъ, о значеніи и составѣ чиновниковъ, ими управлявшихъ.

Сложене Московскаго государства, закончившееся какъ разъ въ эпоху образованія приказныхъ учреждений, позволяетъ изслѣдователю брать вторую половину XV столѣтія какъ базисъ, какъ точку отправленія во многихъ частныхъ монографіяхъ. Около этого времени сложились общественныя группы Московскаго государства, выдѣлился служилый классъ, окончательно образовались подраздѣленія правительственнаго слоя.

Московскіе приказы учрежденія такого типа, котораго мы

рофановъ и т. д. Точно также только путемъ сравненія многихъ документовъ можно доказать, что дьякъ Бурбать Григорьевъ и дьякъ Тарасъ Грамотинъ, дьякъ Давидъ Курьяновъ и дьякъ Давидъ Мамыревъ—два дьяка, а не четыре.

² «Описаніе государственнаго разрядаго архива» (М. 1842. 89), стр. 451—452.

не найдемъ въ древней Руси: онъ сложился подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ совокупности новыхъ потребностей. Контора вотчинника замѣнилась рядомъ учреждений съ государственнымъ отдѣломъ. Подъ какимъ вліяніемъ создалась внѣшняя форма и внутренній распорядокъ новыхъ правительственныхъ агентовъ— вопросъ другой. Его я по возможности обходилъ. Въ этомъ первомъ моемъ трудѣ на первомъ планѣ должны были быть лица. Сначала долженъ быть сдѣланъ сводъ фактовъ и ихъ анализъ, а потомъ уже синтезъ и изслѣдованіе общихъ явленій. Только слегка коснулся я того важнаго вопроса, какое начало преобладало въ приказной системѣ— бюрократическаго единоначалія или начало коллегіальности. Нѣсколько словъ, сказанныхъ мною выражаютъ лишь мое мнѣніе въ этомъ вопросѣ, ждущемъ тщательнаго изслѣдованія по намекамъ современныхъ документовъ.

Въ Московской Руси не заботились о строгомъ проведеніи въ государственномъ управленіи бюрократической или коллегіальной системы. Практика выработала особое самостоятельное начало товарищества съ принципомъ единогласнаго рѣшенія. Авторитетность старшаго товарища могла приводить къ фактическому бюрократизму, но для XVI вѣка трудно было бы доказать единоличность государственныхъ порученій и отвѣтственности. Когда мы читаемъ, напримѣръ, какъ общую формулу, слова документа: „И бояринъ князь Иванъ Петровичъ да дьякъ Ондрей Шерефединовъ спросили...“, одно подобное совѣстничество простаго дьяка съ высоко-родословнымъ бояриномъ княземъ Шуйскимъ заставляетъ задуматься о возможности бюрократизма въ такихъ случаяхъ. Я являюсь сторонникомъ мнѣнія о коллегіальности приказовъ съ одной стороны потому что товарищество гораздо ближе къ коллегіальности, чѣмъ къ бюрократизму, а съ другой стороны, потому что рѣшенія большинствомъ голосовъ и подачу отдѣльныхъ мнѣній не признаю условіемъ *sine qua non* коллегіальности.

Нѣсколько подробнѣе и то лишь намѣтивъ точки опоры, разобралъ я вопросъ о Московскомъ приказномъ дьячествѣ. При-

казные дьяки XVI вѣка по моему убѣжденію видные общественные и политическіе дѣятели, а не только „плутишки“ и „страдничьи дѣта“, окруженные ореоломъ всевозможныхъ продѣлокъ, соединенныхъ съ одной стороны съ чрезвычайною раболѣпностью, и съ наглою волокитой съ другой.

Къ разсказамъ иностранцевъ и историковъ XVIII вѣка надо относиться съ большою осторожностью. Тѣ дѣльцы, которые въ XVI столѣтіи силой ума и опытности держались на известной высотѣ и достигали замѣтнаго вліянія на дѣла, оставаясь вслѣдствіе своей неродословности среди дьячества, въ XVII столѣтіи пробиваютъ себѣ дорогу къ думному дворянству и околичеству.

Слѣдствіемъ этого было пониженіе общаго уровня въ приказномъ дьячествѣ. Слегка презрительное отношеніе къ до—Петровской Руси, развившееся у насъ съ XVIII вѣка, затемняло истину и лишало безпристрастія сужденія о многихъ вопросахъ. Ходячее мнѣніе о московскихъ дѣльцахъ недалеко ушло отъ теоріи о косности Московскаго боярства, построенной на недочитанной фразѣ Котошихина.

Въ настоящемъ трудѣ я старался провести мысль о томъ, что всѣ видные дьяки XVI вѣка происходили изъ служилаго слоя и многіе изъ нихъ были потомками второстепенныхъ бояръ удѣльныхъ княжествъ. Обративъ вниманіе на значенія думнаго дьячества, я отмѣтилъ роль думныхъ разрядныхъ дьяковъ и по возможности отмѣнилъ примѣры ихъ самовластия.

Теоретически древность Разряда не подлежитъ сомнѣнію, но почти полное отсутствіе до второй половины XVI столѣтія прямыхъ фактическихъ указаній заставляетъ прибѣгать къ косвеннымъ уликамъ, искать намековъ и свидѣтельствъ по внутреннимъ признакамъ документовъ. Только путемъ дѣленія одновременныхъ документовъ по содержанію и скрѣпамъ дьяковъ, ихъ подписавшихъ, мнѣ удалось опредѣлить составъ Разряда въ 1555—1556 годахъ.

Въ виду того, что въ XVII столѣтіи дѣятельность Разряднаго приказа внѣшнимъ образомъ выражалась въ цѣломъ рядѣ

документовъ, для него характеристичныхъ, изслѣдованіе о времени образованія разрядныхъ книгъ и государева родословца могло подтвердить фактъ существованія Разряда въ первой половинѣ XVI столѣтія.

Сводъ и критика извѣстій о разрядныхъ книгахъ даетъ рядъ свидѣтельствъ о веденіи разрядныхъ росписей съ конца XV вѣка. Можно съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что и первая перечневая разрядная книга была составлена никакъ не позже 1556 года. Изслѣдованіе Бархатной книги приводитъ къ выводу, что „государевъ родословецъ“, лежшій въ ея основаніе, былъ сочиненъ въ 1555 году и остался непереработаннымъ до конца XVII столѣтія.

Вопросъ о Бархатной книгѣ естественно соприкасается съ вопросами о различныхъ редакціяхъ родословныхъ книгъ, о достовѣрности легендъ о выѣздахъ и значеніи родословныхъ росписей XVII вѣка, какъ генеалогическаго источника.

Надѣясь со временемъ посвятить особую статью подобнымъ генеалогическимъ вопросамъ, я разобралъ ихъ лишь настолько, насколько это являлось необходимымъ для опредѣленія степени достовѣрности нѣкоторыхъ извѣстій, прямо касающихся исторіи Разряда.

Съ намѣреніемъ я оставилъ въ сторонѣ изложеніе внутреннихъ распорядковъ Разряднаго приказа во второй половинѣ XVI вѣка. Безъ специальныхъ и долговременныхъ изысканій, которыхъ я не имѣлъ возможности сдѣлать, мнѣ, пожалуй, пришлось бы перефразировать тѣ немногія замѣчанія и извѣстія, которыя собраны и изслѣдованы В. О. Ключевскимъ въ его сочиненіи „Боярская дума древней Руси“.

Первый трудъ каждаго ученаго вполнѣ естественно сопровождается обыкновенно рядомъ благодарностей лицамъ, содѣйствовавшимъ успѣшности работы. И я, заканчивая мой опытъ изслѣдованія и оглядываясь на массу собраннаго матеріала, испытываю приливъ признательности. Болѣе двухъ лѣтъ я занимался въ архивахъ и бібліотекахъ С.-Петербурга и Москвы

и отовсюду выносишь отрадное впечатлѣніе необыкновенной внимательности и готовности помочь нуждамъ занимающагося. Въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ у барона О. А. Бюлера, въ Архивѣ Министерства Юстиціи у Н. А. Попова, въ Московскомъ Публичномъ Музеумѣ у Д. П. Лебедева, въ Императорской Публичной Библиотекѣ у А. О. Бычкова, В. П. Ламбина, И. А. Бычкова и К. О. Фетерлейна, въ Археологической Коммиссіи у А. И. Тимоеева, въ Императорской Академіи Наукъ у А. А. Куника, Б. П. Ламбина, П. П. Фусса и П. А. Сырку—ездѣ мнѣ приходилось просить и получать рукописи и книги безъ предварительной записи. Въ Архивѣ Министерства Юстиціи, напримѣръ, когда я занимался бѣглымъ осмотромъ разнородныхъ документовъ, изъ которыхъ нѣкоторые требовали не болѣе пяти-десяти минутъ времени для необходимой справки, а нѣкоторые съ перваго взгляда оказывались непригодными для моихъ цѣлей, мнѣ случалось просматривать по тридцати книгъ и столбцовъ въ день. Приношу глубокую благодарность чиновникамъ Архива, которые, несмотря на все безпокойство, имъ причиняемое, предпочли не отнять у меня ни минуты изъ того небольшого, къ сожалѣнію, запаса времени, который я имѣлъ въ своемъ распоряженіи.

Не разъ случалось мнѣ въ разныхъ учрежденіяхъ среди занятій просить книгу для справки или новую рукопись для неожиданной свѣрки, вездѣ и всегда я получалъ желаемое въ тотъ же день, иногда тотчасъ же. Вовремя сдѣланная справка часто предохраняетъ отъ нѣсколькихъ дней бесплодной работы или наводитъ на новыя мысли и наблюденія, но никто и нигдѣ не можетъ считать своимъ правомъ такое немедленное удовлетвореніе его желаній.

Я занимался во многихъ учрежденіяхъ, приходилось мнѣ обращаться съ просьбами и ко многимъ частнымъ лицамъ. Вездѣ я находилъ одинаково доброжелательный пріемъ. Считаю долгомъ выразить сердечную признательность лицамъ, такъ или иначе содѣйствовавшимъ мнѣ въ моемъ трудѣ: А. П. Барсукову, С. А. Бѣлокурову-